

Лев Поэтический

Страна, которой нет

Иногда
спрана исчезает
не с карты.
Она исчезает
из человека.

16+

Лев Поэтический

Страна, которой нет

<https://litres.ru/74463264>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда страна исчезает не с карты.

Она исчезает из человека.

Когда-то Россия была домом: дворами, снегом, школьными коридорами, голосами близких, первым чувством и воспоминаниями, которые казались вечными.

Но время меняет не только людей. Меняется и страна.

То, что раньше казалось привычным, становится чужим. Слова начинают иметь цену. Молчание кажется безопаснее правды. А человек однажды задаёт себе вопрос: где заканчивается любовь к Родине и начинается боль от того, чем она стала?

Одни остаются. Другие уезжают. Кто-то молчит, чтобы защитить себя и близких. Кто-то пытается говорить. А кто-то просто хранит в памяти ту Россию, которая когда-то была его домом.

«Страна, которой нет» — это книга о памяти, страхе, эмиграции, любви к Родине и потере ощущения дома.

О стране, которую каждый человек носит внутри себя.

И о моменте, когда однажды приходится признать:

страна всё ещё существует на карте.

Но той страны, которую ты когда-то называл домом,
может больше не быть.

Содержание

Глава 1. Страна из детства	5
Глава 2. Дом	8
Глава 3. Когда всё изменилось	11
Глава 4. Телевизор	17
Глава 5. Человек, который решил говорить за всех	20
Глава 6. Страх	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лев Поэтический

Страна, которой нет

Глава 1. Страна из детства

У каждого человека есть страна, которую он помнит не по новостям.

Не по телевизору.

Не по политике.

Не по словам чиновников.

А по двору.

По снегу под ногами.

По окну, в котором вечером загорался свет.

По голосу матери из кухни.

По запаху еды, который почему-то навсегда остаётся в памяти.

Для меня Россия долго была именно такой.

Я не думал о ней как о государстве.

Я просто жил в ней.

Утром просыпался.

Шёл в школу.

Возвращался домой.

Слышал, как где-то хлопает дверь подъезда.

Как во дворе дети спорят из-за мяча.

Как зимой скрипит снег.

Как летом открывают окна.

Тогда мне казалось, что так будет всегда.

Что детство никогда не закончится.

Что люди, которых я люблю, всегда будут рядом.

Что дом останется домом.

И что страна, в которой ты родился, не может однажды стать чужой.

Наверное, ребёнок вообще не умеет бояться будущего.

Он просто верит.

Верит взрослым.

Верит дому.

Верит словам.

Верит, что завтра будет похоже на сегодня.

А потом он вырастает.

И начинает замечать то, чего раньше не видел.

Слова становятся осторожнее.

Люди начинают говорить тише.

Кто-то перестаёт высказываться.

Кто-то уезжает.

Кто-то остаётся.

А кто-то просто делает вид, что ничего не происходит.

И однажды ты включаешь телевизор и понимаешь:

страна, которую ты помнил по снегу и детству, теперь говорит с тобой совсем другим голосом.

Но самое страшное даже не это.

Самое страшное —
когда ты начинаешь скучать не по стране.
А по тому времени,
когда она ещё была для тебя домом.

Глава 2. Дом

Дом — это не всегда квартира.

Иногда дом — это двор.

Старая скамейка возле подъезда.

Дерево, на которое ты когда-то залезал ребёнком.

Окно, за которым тебя ждали.

Голос человека, которого больше нет.

Запах дождя на асфальте.

Первый снег.

Первое лето, которое казалось бесконечным.

Так человек и запоминает родину.

Не по карте.

По мелочам.

Я долго думал, что Россия — это огромная страна.

Границы.

Города.

Дороги.

Леса.

Реки.

Миллионы людей.

Но чем старше становился, тем больше понимал:

для одного человека Россия может помещаться в одной комнате.

В кухне, где мама ставит на стол чай.

В коридоре, где зимой стоят мокрые ботинки.

В старом дворе, где тебя знают по имени.

В школьном кабинете, который давно уже выглядит совсем иначе.

В человеке, которого ты когда-то любил.

И поэтому невозможно просто сказать:

«Я уехал из России».

Потому что человек может уехать из страны.

Но не может так просто уехать из собственного детства.

Ты можешь пересечь границу.

Можешь поменять город.

Можешь научиться жить на другом языке.

Можешь привыкнуть к другому климату.

К другим улицам.

К другим людям.

Но иногда достаточно услышать знакомую песню,
увидеть снег,

почувствовать запах холодного воздуха —

и ты снова там.

В том самом дворе.

В том самом возрасте.

В том времени, когда ещё ничего не потерял.

Наверное, поэтому эмиграция начинается не тогда, когда человек садится в самолёт.

Она начинается гораздо раньше.

В тот момент, когда он впервые понимает:

место, которое он называл домом,
больше не даёт ему ощущения дома.
И это странная боль.
Потому что ты не перестал любить улицы.
Не перестал помнить людей.
Не перестал скучать по запаху зимы.
Не перестал считать это место частью себя.
Просто между тобой и ним
появилось расстояние,
которого невозможно измерить километрами.
Иногда страна остаётся там же.
Стоят те же дома.
Ездят те же машины.
Люди ходят по тем же улицам.
Но ты уже другой.
И однажды понимаешь:
дом можно потерять,
даже если он всё ещё стоит.

Глава 3. Когда всё изменилось

Никто не может точно сказать,

в какой день всё изменилось.

Не было одного утра,

когда человек проснулся

и увидел перед собой другую страну.

Всё происходило медленно.

Сначала ты просто замечаешь,

что люди стали осторожнее.

Потом начинаешь слышать:

«Не говори об этом».

Потом:

«Лучше не обсуждать».

А потом уже сам ловишь себя на том,

что прежде чем что-то сказать,

сначала думаешь,

кто может тебя услышать.
Так страх становится привычкой.
Не громкой.
Не заметной.
Обычной.
Как выключить свет перед сном.
Как проверить дверь.
Как посмотреть,

кто стоит рядом,

прежде чем сказать то,

что действительно думаешь.
В какой-то момент телевизор

становится громче людей.
Из экрана каждый день

говорят о стране.
О её прошлом.
О её будущем.
О врагах.
О правильных словах.
О правильных людях.

О том,

что нужно помнить

и чего нельзя забывать.

А ты смотришь

и пытаешься понять:

где во всём этом

тот человек,

который утром

идёт на работу,

вечером покупает хлеб

и возвращается домой?

Где мать,

которая ждёт сына?

Где отец,

который переживает за ребёнка?

Где человек,

который просто хочет жить

и не бояться завтрашнего дня?

Наверное,

страна начинает меняться

не тогда,

когда меняются законы.

А тогда,

когда люди перестают чувствовать,

что могут говорить свободно.

Когда молчание

становится безопаснее правды.

Когда привычная фраза

«мне всё равно»

на самом деле означает:

«я боюсь».

Многие продолжали жить.

Работать.

Любить.

Растить детей.

Покупать продукты.

Ходить по тем же улицам.

И внешне всё оставалось прежним.

Но внутри

что-то уже треснуло.

И самое страшное —

трещину не всегда замечают сразу.

Иногда проходят годы,

прежде чем человек понимает:

он уже давно живёт

не в той стране,

которую помнит.

И тогда возникает вопрос,

которого раньше не существовало:

если место осталось прежним,

а ощущение дома исчезло —

то что именно

мы потеряли?

Глава 4. Телевизор

Телевизор всегда стоял где-то рядом.

На кухне.

В комнате.

У бабушки.

У соседей.

Он говорил с утра до вечера.

Новости.

Политика.

Выступления.

Споры.

Карты.

Границы.

Враги.

Победы.

Поражения.

Иногда казалось, что телевизор знает о стране больше, чем люди, которые в ней живут.

Он объяснял, что происходит.

Объяснял, кого нужно бояться.

Кого нужно уважать.

Кому верить.

А кому — нет.

И чем дольше человек смотрел, тем сложнее становилось

отличить собственную мысль от чужой.

Потому что если одну и ту же фразу повторять каждый день,

она постепенно перестаёт звучать как чьё-то мнение.

Она начинает звучать как факт.

Особенно когда вокруг почти нет другого голоса.

Но за пределами телевизора была другая Россия.

Та, которую невозможно показать одним выпуском новостей.

Там люди стояли в очередях.

Ездили на работу.

Ждали зарплату.

Покупали лекарства.

Влюблялись.

Разводились.

Рожали детей.

Хоронили родителей.

Смеялись на кухнях.

Плакали в одиночестве.

И продолжали жить.

У каждого была своя страна.

Для кого-то она начиналась с Кремля.

Для кого-то — с родного города.

Для кого-то — с квартиры родителей.

Для кого-то — с могилы человека, которого больше нет.

И, наверное, в этом была главная разница.

Телевизор говорил о России как о чём-то огромном.

А человек продолжал чувствовать её маленькой.

До размера собственного дома.

До нескольких улиц.

До одного подъезда.

До одного голоса.

Иногда я думаю, что телевизор никогда не мог показать настоящую страну.

Потому что настоящая страна не помещается в экран.

Она находится по ту сторону стекла.

В миллионах людей.

В их страхах.

В их надеждах.

В их молчании.

В их воспоминаниях.

И однажды человек выключает телевизор.

В комнате становится тихо.

И впервые за долгое время он слышит не страну.

А самого себя.

И тогда становится страшно.

Потому что собственный голос

уже невозможно переключить на другой канал.

Глава 5. Человек, который решил говорить за всех

Иногда история страны

становится историей одного человека.

Не потому,

что один человек может заменить миллионы.

А потому,

что миллионы постепенно привыкают

слышать один голос.

Год за годом

одно и то же лицо

появляется на экране.

Сначала ты просто знаешь его фамилию.

Потом узнаёшь голос.

Потом уже не замечаешь,

как он становится частью повседневной жизни.

Его выступления.

Его обращения.

Его фотографии.

Его слова,

которые обсуждают на кухнях,

в автобусах,

на работе.

Одни верят.

Другие сомневаются.

Третьи молчат.

Четвёртые просто стараются

не думать об этом.

Но человек на экране

остаётся.

И постепенно возникает странное ощущение:

будто страна говорит

одним голосом.

Будто у неё

одно мнение.

Одна память.
Одна правда.
Один путь.
Но страна не может иметь

одного голоса.
Потому что страна —

это не кабинет.
Не телевизионная студия.
Не трибуна.
Не один человек.
Страна —

это миллионы людей,

которые могут думать по-разному

и всё равно жить на одной земле.
У каждого своя Россия.
Для одного —

это порядок.
Для другого —

стабильность.

Для третьего —

детство.

Для четвёртого —

родители.

Для кого-то —

язык.

Для кого-то —

место, откуда пришлось уехать.

И когда один голос

начинает говорить

от имени всех,

самое важное становится почти незаметным:

а что говорят остальные?

Не те,

кто громче всех.

Не те,

кто каждый день появляется на экране.

А обычные люди.

Те,

кто никогда не стоял

за трибуной.

Кто не подписывал указов.

Не произносил обращений.

Не решал судьбу страны.

Но именно они

каждое утро открывают глаза

и продолжают жить

в этой стране.

Они платят за свет.

Покупают хлеб.

Воспитывают детей.

Провожают близких.

Боятся за будущее.

Надеются на лучшее.

И иногда молчат.

Не потому,

что согласны.

А потому,

что не знают,

можно ли говорить.

Наверное,

одна из самых опасных вещей

для любой страны —

когда молчание

начинают принимать

за согласие.

Потому что тишина

ничего не доказывает.

Она может означать

что угодно.

Страх.

Равнодушие.

Усталость.

Согласие.

Несогласие.

Или просто желание

дожить до завтра.

А страна,

в которой за миллионами людей

перестаёт быть слышен

их собственный голос,

постепенно становится

страной,

которую всё труднее узнать.

Глава 6. Страх

Страх редко приходит сразу.
Обычно он появляется незаметно.
Сначала ты просто думаешь,

стоит ли говорить.
Потом решаешь,

что лучше промолчать.
Потом начинаешь удалять сообщения.
Не писать лишнего.
Не спорить.
Не задавать вопросов.
И однажды замечаешь,

что осторожность стала привычкой.
Ты уже не думаешь:

«Можно ли мне это сказать?»
Ты автоматически думаешь:

«А вдруг нельзя?»
Страх не обязательно должен кричать.
Ему даже не нужно

показываться.

Иногда достаточно

одной мысли.

«А что будет потом?»

И человек замолкает.

Так появляются разговоры на кухнях,

которые никогда не выйдут

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.